

ИСТОРИЯ НАУКИ

© Р. В. Камелин

О В. Л. КОМАРОВЕ¹

Поступила 20.12.2016

Публикуется текст лекции, прочитанной Р. В. Камелиным для молодых ботаников БИН РАН. В лекции приведена биография В. Л. Комарова, дана оценка его научной и организаторской деятельности, а также значению его крупных научных трудов для ботаники и биологии.

Ключевые слова: В. Л. Комаров, биография, ботаника, систематика растений, эволюция.

R. V. Kamelin

ABOUT V. L. KOMAROV

The text of the lecture given by R. V. Kamelin for young botanists of the Komarov Botanical Institute is published. V. L. Komarov's biography is provided, evaluation of his scientific and organizing activity and value of large scientific works for botany and biology are given.

Key words: V. L. Komarov, biography, botany, plant systematics, evolution.

Я хочу рассказать вам о человеке, имя которого носит наш Институт — о Владимире Леонтьевиче Комарове.

Великий русский ботаник, замечательный педагог, выдающийся организатор науки и общественный деятель, президент Академии наук СССР. Мало кто из ученых, да и деятелей культуры страны Советов был столь отмечен при жизни — обласкан властью, известен в народе. А после его смерти память о нем оказалась довольно коротка, и даже в БИНе после 1970 г. юбилеи его не отмечались. Пришли другие времена...

В. Л. Комаров родился 14 октября 1869 г. в семье потомственного военного. Отец его, Леонтий Виссарионович, штабс-капитан Генштаба, был тяжело ранен и контужен в Бухарском походе (у крепости Джизак). Он скончался от ран, когда В. Л. было полтора года. Это — вторая потеря, самый старший из дядей был убит в Крымской войне. Еще четверо стали генералами (трое — русской армии, один — сербской).

Мать, Елизавета Михайловна Линденбаум, через 4 года после смерти мужа вышла замуж вторично, но тоже умерла рано, когда В. Л. было 13 лет. С отцом ему не повезло, и воспитывался он в семье младшего из дядей, Виссариона Виссарионовича, который был начальником штаба сербской армии во время войны с Турцией, а после победы вышел в отставку и посвятил себя издательскому

¹ Лекция, прочитанная для молодых специалистов Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН 26 февраля 2013 г.

делу. Летом же В. Л. обычно жил в имении деда (Линденбаума) близ Боровичей. Вторая жена деда — француженка — учила В. Л. французскому языку. Там же, судя по всему, В. Л. пристрастился и к собиранию растений и к походам в природу. В гимназию его отдали поздно, лет в 12—13, и это была Шестая гимназия (казенная, непривилегированная). Трое других дядей служили далеко от Петербурга, а Виссарион, у которого жил В. Л., был далеко не богат (и как издатель не избалован удачами). В гимназии напрочь отсутствовали какие-либо естественные науки, но, как вспоминал сам Комаров, лет с 14 он начал сам читать естественно-научную литературу (не только ее). Он вспоминал, что в гимназии сам перевел все «Происхождение видов» Дарвина, но потом в порыве самокритики эту рукопись сжег. В гимназические годы он еще и подрабатывал репетиторством, чтобы «не быть в тягость семье». И сам же В. Л., по свидетельствам его учеников, говорил, что в гимназии он учился неохотно, неровно, большую часть знаний в юности получил самообразованием, чтением. Закончив гимназию, несмотря на увещевания родичей, при поступлении в университет он выбрал естественно-исторический разряд физико-математического факультета. Причем проректор университета при приеме документов сказал ему, что он «обрекает себя на голдную смерть».

Но он попал совершенно в особую (по сравнению с казенной гимназией) среду столичного университета, обильно питающую юный разум и возвышающую душу. Во-первых, это блестящий профессорский состав тогдашнего физмата. Комаров записался на лекции выдающихся химиков: Н. А. Меншуткина (один из создателей отечественной школы аналитической химии) и А. Е. Фаворского, почвовед В. В. Докучаева, зоологов А. О. Ковалевского (эмбриолог), В. М. Шимкевича, Н. П. Вагнера (открывателя педогенеза, т. е. будущей «неотении»), нейрофизиолога Н. Е. Введенского (открыл явление торможения). Но еще ярче был состав ботаников: А. Н. Бекетов (ректор Университета!, автор курсов Ботаника-систематика, Ботаническая география), А. С. Фаминцын (физиолог, открыватель симбиогенеза), И. П. Бородин (анатомия), Х. Я. Гоби (зав. кафедрой, систематик низших и грибов), С. Г. Навашин, готовящие магистерские диссертации Н. И. Кузнецов, Г. И. Танфильев. Очень нравился В. Л. преподаватель анатомии человека П. Ф. Лесгафт — убежденный материалист и активнейший общественный деятель. Во-вторых, широкий круг научно-общественной деятельности. На биологических кафедрах университета базировалось Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей (и Комаров стал его членом). Уже на первом курсе он стал членом Русского географического общества.

Развитие В. Л. происходило в постоянном общении с самыми разными людьми. Более того, как он сам впоследствии писал, еще в университетские годы изучал труды К. Маркса и особенно Ф. Энгельса (конечно же, это в первую очередь «Роль труда в очеловечивании обезьяны», а также «Анти-Дюринг», на которые обратил его внимание П. Ф. Лесгафт). От Дарвина к ним — прямая дорога. Более того, несомненно, что Комаров был весьма активен и в студенческих кружках, где всегда находились и доносчики. Не удивительно, что он попал под негласный, а затем и гласный надзор полиции (а к концу учебы был еще и под опекой судебной палаты).

А как же ботаника? Уже на первом курсе В. Л. продолжил исследования флоры Новгородской губернии (в Старорусском уезде). А после 2-го курса он на средства Общества естествоиспытателей попал в Среднюю Азию (вместе со школьным приятелем-зоологом Д. К. Глазуновым). От Санкт-Петербурга до Самарканда он добирался 2 недели (железными дорогами, рекой и морем). Там

встретился с ранее уже поработавшим зоологом, а затем — в горы до середины сентября. Детально были обследованы горы центральной части Кухистана (Фанские горы и большая часть долины Ягноба) — места малодоступные и исключительно интересные. В 1893 г. уже один Комаров снова работает там же, но несколько расширив районы сборов и прежде всего в Матче — верховьях р. Зеравшан — до большого Зеравшанского ледника, а также впервые в верховьях р. Кашка-дарьи в Западном Гиссаре. На этот раз он получил уже поддержку от Русского географического общества (но и задание на барометрическое определение высот в Кухистане). Поработав до начала осени в горах, Комаров в сентябре—октябре провел барометрическую нивелировку в центральной части Каракума, в том числе с тремя поперечными профилями предполагаемых сухих русел Унгуза, показавшими, что здесь нет высот ниже Каспия. Эта его работа по представлению выдающегося геодезиста А. А. Тилло была отмечена серебряной медалью РГО. Ботанические же результаты 2 лет работы были исключительно обильными. Гербарий — более 900 видов (большой частью во многих экземплярах), коллекция паразитных грибов — первая из региона, очерк растительности горного Зеравшана, опубликованный еще в студенческие годы. Комаров обработал большую часть гербария, но опубликовал лишь треть обработки. Любопытно, что работой, которая соответствовала «дипломной» в более поздние годы, у В. Л. была микологическая сводка «Паразитные грибы Горного Зеравшана». До этой работы в Средней Азии приводилось 36 видов и разновидностей грибов. В сводке Комарова их 106 (в том числе 16 новых для науки). Они охарактеризованы по высотному распределению, по экологии и фенологии, а также по степени опасности для культивируемых растений. В частности, В. Л. обнаружил, что в горах Кухистана мало пероноспорных, да и мучнистых грибов, головневых же и особенно ржавчинных — много. Поэтому культуре картофеля здесь большей частью не угрожают фитофтора или мучнистая роса, а винограду — милдью. Я думаю, Комаров осознал, что обработка собранных коллекций цветковых затянется надолго, а коллекции грибов он с его любовью к микроскопированию обработал довольно быстро. Поддержал его в этом и зав. кафедрой Х. З. Гоби, который занимался и грибами, а возможно, и миколог М. С. Воронин. Эта работа была отмечена золотой медалью Петербургского университета (еще до публикации), а университет он окончил с дипломом I степени.

Но в то же время В. Л. получил известие о том, что ему отказано во въезде в Среднюю Азию (Туркестан), как находящемуся под следствием политически неблагонадежному, а затем и лишенному права выезда из Петербурга. Речи не было и о том, чтобы остаться при кафедре, да и вообще получить какую-либо работу. Но по рекомендации РГО он получил предложение Управления проектируемой Амурской железной дороги на изыскания по земельным фондам, отводимым для нее. Около полугода он потратил на хлопоты, чтобы получить разрешение на выезд. Тут ему начало везти. Комаров пришел за советом к С. И. Коржинскому, который работал на Амуре раньше. Тот не очень одобрил эту затею, и, в частности, спросил, есть ли у него книги Н. С. Турчанинова «*Flora baicalensi-dalurica*» — единственное на то время руководство по соседней территории. Книг этих у Комарова не было, но в тот же день на развале букиниста на Литейном проспекте он нашел старые номера «Бюллетеня МОИП», где эта редкая работа публиковалась по частям, и по дешевке ее купил.

К месту службы, Хабаровску, В. Л. добирался морским путем: из Одессы, через Суэцкий канал — Индийский океан, Сингапур — Японию и Владивосток, а оттуда по почтовому тракту в Хабаровск. 1.05.1895 г. он собирал по дороге на

станции Иман первые растения, а прибыв в Хабаровск, начал работы в Амурской области (с 2 солдатами) и на зиму остался в Благовещенске. Здесь он составил 2 отчета: о возможности заселения полосы при дороге и обстоятельный для РГО «Условия дальнейшей колонизации Амура» (отчет вышел в свет в конце 1896 г.).

В 1892 г. С. И. Коржинский опубликовал «Отчет об исследованиях Амурской области как земледельческой колонии», где показал, что в тогдашних условиях в этом регионе нет перспектив для широкого развития земледелия. В. Л. Комаров, по примеру модных тогда статистико-экономических исследований, попробовал дать свой прогноз при возможной смене залежного земледелия трехпольным севооборотом. С молодым запалом Комаров решительно протестует по поводу общего вывода Коржинского и даже несправедливо обвиняет его в том, что влажные высокотравные луга Среднего Амура он называет «прериями» (Коржинский в своей работе пишет, что так их называл К. И. Максимович, но с прериями Америки эта растительность несравнима). Жизнь, вообще-то показала, что Коржинский был прав. Даже в наиболее благоприятные для нашего общества 30-е или 60—70-е годы XX века Дальний Восток не мог прокормить себя ни хлебом, ни молоком или мясом. Но показательно в этой истории вот что: Коржинский сетует о низкой общей культуре колонизаторов, Комаров же считает (почти как марксист), что все можно изменить направленной экономической политикой.

В начале 1896 г. выяснилось, что от Амурской дороги отказались в пользу Маньчжурской — от Забайкалья на Харбин и Нингуту, и Комаров обращается в РГО с предложением послать его в Маньчжурию. На это в Обществе нашлись деньги, а именно пожертвованные Обществу А. М. Сибиряковым. Это и позволило Комарову в 1896 и 1897 гг. исследовать часть российских территорий на границе с Китаем, бассейны рек Усури, Муданцзяна и Сунгари в Китае, северной части Кореи, а затем бассейн р. Ляохэ в Китае. Был собран богатейший гербарий, включавший 1270 видов и подвидов сосудистых растений (в том числе 84 новых для науки), но и грибов, а также большой материал для ботанико-географического районирования Амурского бассейна, в том числе и в пределах Китая.

По возвращению из путешествия по ходатайству университета В. Л. Комарову было разрешено числиться при кафедре ботаники для подготовки к магистерскому экзамену на 2 года, но без стипендии. С этого же времени ему было разрешено вести практические занятия со студентами. Магистерские экзамены он сдал в 1899 г., после чего был зачислен в штат Ботанического сада младшим консерватором. Обработка всех коллекций затянулась почти на 8 лет, но все же за 3 года В. Л. написал ряд важных ботанико-географических работ и, главное, подготовил 1-й том «Флоры Маньчжурии» (559 стр.) с большой теоретической частью и с описанием высших споровых, хвойных и части цветковых растений. Этот том увидел свет в 1901 г., а в 1902 г. В. Л. защитил по нему магистерскую диссертацию (оппоненты Х. Л. Гоби и В. И. Палладин) на открытом заседании физмата Петербургского университета.

Мы мало знаем о том, где и как жил в 1898—1902 гг. Комаров, когда и где он первый раз женился. Знаем лишь, что за Маньчжурские путешествия он получил медаль (и премию) им. Н. М. Пржевальского (1898), и с 1899 г. начал читать лекции на женских курсах П. Ф. Лесгафта (вплоть до его смерти), чем в общем и обеспечивал некоторое пополнение к окладу в Ботаническом саду. Насколько лучше стало его положение после защиты магистерской диссертации? В университете он уже мог претендовать на штатную должность; и в 1902 г. его утвердили в звании приват-доцента, что давало ему право читать факультативные курсы. Между тем к обязательным курсам Х. Я. Гоби его не допускал. Правда, курс Ко-

марова «История развития царства растений» уже с начала 1903 г. пользовался большим успехом. Значительно более важным было то, что в октябре 1902 г. он был переведен в Ботаническом саду на должность старшего консерватора. Обязанностей стало больше, но и оклад больше. Много удалось сделать и на курсах Лесгафта, где Комаров подготовил большой «Практический курс ботаники» (первую его часть «Строение растений» опубликовал в 1905 г., далее было еще 3 издания). Продолжались и работы по «Флоре Маньчжурии». В 1903—1905 гг. вышли 3 части этой работы. А по совместному поручению РГО и Ботанического сада летом 1902 г. Комаров путешествовал уже в Восточных Саянах, в том числе на севере Монголии (в Прихубсугулье); с ним вместе работал как специалист по мхам, водорослям и лишайникам А. А. Еленкин. Эта поездка дала богатые материалы как ботанические (а В. Л. в этой поездке хотел увидеть живую многие описанные Р. С. Турчаниновым виды), так и географические (они впервые поднялись на Мунку-сардык, высшую точку Саян) и геологические. Но в этом эпизоде жизни впервые Комаров, полностью отчитавшись перед РГО за географические (и даже геологические) результаты путешествия, да и оформив гербарий для дальнейших работ, не опубликовал ни списка собранных видов, ни даже явных новинок. Слишком много было необходимо завершить начатого, и все больше времени требовала педагогическая работа.

А времена наступили непростые: Русско-японская война (Комаров отметил ее публикацией небольшой познавательной брошюры «Маньчжурия»), первая русская революция. А в 1907 г., наконец, был напечатан последний выпуск «Флоры Маньчжурии». И примерно в то же время В. Л. завершил еще одну тяжелую работу по физике, и затем связанную с ней одну из главных своих теоретических работ.

В конце 1905 г. ученый совет Ботанического сада по инициативе вице-президента РГО П. П. Семенова-Тян-Шанского постановил передать В. Л. Комарову обработку коллекций великих путешественников Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, М. Певцова, В. Роборовского, П. Козлова и др. Как известно, начинал их обработку К. И. Максимович, а пытался продолжить А. Ф. Баталин. Но прежде всего надо было разобрать все уже накопленные коллекции. В. Л. стал выделять из общих коллекций по Азии коллекции именно из Центральной и Восточной Азии, включая и сборы путешественников-географов. За 1.5 года было выделено до 50 000 листов гербария (примерно 6000 видов). Это и стало основой центрально-азиатского (или «китайского») сектора нашего Гербария. При этом В. Л. посчитал необходимым монографически обработать несколько различных по объему и распространению родов, чтобы понять разнообразие флор на всей этой территории. Но что касается Китая, материала все же было мало, несмотря на покупку части гербария А. Генри из Юго-Западного Китая (основная коллекция Генри была в Лондоне). Большие коллекции из Китая были также во Франции. В 1906 г. Ботанический сад предоставил В. Л. командировку в Англию, а затем во Францию (особенно полезен был визит к аббату Левелье). В результате В. Л. выбрал для монографического исследования 5 родов: *Clematoclecthra* (Actinidiaceae или Dilleniaceae, Центральный Китай), *Codonopsis* (Campanulaceae, главным образом Центральный Китай, но и до бассейна Амура, а на западе до Гималаев и Средней Азии), *Epimedium* (Berberidaceae, голарктический дизъюнктивный, типичный в Китае, а в Монголии отсутствующий), *Nitraria* (Nitrariaceae или Zygophyllaceae, в Монголии более развит, в Китае почти нет, но ареал — от Атлантики до Тихого океана и один вид в Австралии) и *Caragana* (Fabaceae, степи Евразии, но заходит в Сибири далеко на север, а на юге есть от Закавказья через

Гималаи до Юньнани и много в Средней и Центральной Азии). Монографии их составили ббольшую часть работы «Введение к флорам Китая и Монголии», опубликованной в 1909 г. «Введение...» собственно имеет и общую часть с оригинальным, впервые предложенным разделением Монголии и Китая на области, отличающиеся по природным условиям и растительности. Но еще более оригинальным и новым является анализ монографий отдельных родов (я назвал это «методом проявляющих родов» при анализе флор) и проведенное в этих обработках построение эволюционных рядов генетически близких видов. Вообще мы считаем, что Комаров завершил становление главного метода практической систематики — (эколога)географо-морфологического метода.

Сам этот метод впервые был применен в трудах А. Кернера фон Мерилаун, а развит теоретически в работах Р. Ветштейна и С. И. Коржинского, причем у Коржинского особенно в форме представления о реальной (объективно существующей в природе) расе — *proles*, все особи которой связаны племенным родством, а в зависимости от степени обособления от близких рас могут рассматриваться как вид или подвид. Комаров принял этот метод во «Флоре Маньчжурии», еще более подчеркивая это «племенное» родство, но и, как истовый дарвинист, еще более строго очерчивая расы (виды) по их «месту в экономике природы». Именно построение эволюционных рядов и завершало метод в целом, и придавало ему некоторую оценку во времени и пространстве. Причем, как я показал в своей книжке «Лекции по систематике растений», Комаров строил свои ряды (и призывал других к тому же) на базе образного восприятия видов-рас (а не по совокупностям отдельных их признаков), а что касается занимаемого ими ареала и типов местообитаний, с полным учетом их возможной истории во времени, чаще объясняемой миграциями, но и не только ими. «Миграционная точка зрения... не противоречит реликтовой, а включает ее в себя, как часть в целое». К сожалению, построение рядов по Комарову часто путают с таксономическими проблемами распределения видов в группы низкого ранга (*series*), согласно с каким-либо общим признаком. Ряды же Комарова могут по объему соответствовать и сериям, и секциям, и родам.

«Введение к флорам Китая и Монголии» стало диссертацией Комарова на соискание ученой степени доктора ботаники. Защищал он ее в Московском университете в феврале 1911 г. (и защитил прекрасно!). Перед этим, кроме всего вышесказанного, В. Л. два сезона (1908, 1909) поработал и на Камчатке в экспедиции, организованной на средства П. П. Рябушинского. Об этой экспедиции много написано, да и судьба научной обработки материалов, собранных в ней, тоже хорошо освещена, например Н. В. Павловым.

Но надо сказать несколько больше о педагогической деятельности приват-доцента Комарова в период с 1902 по 1910 г. Он преподавал в это время на курсах П. Ф. Лесгафта, а с 1906 г. — еще и на Высших женских педагогических курсах М. Лохвицкой-Скалон (с 1907 г. он там заведовал кафедрой). В университете же он читал, как правило, всего один факультативный курс, но зато активно работал в разных кружках. К 1906 г. на кафедре почти прекратил работу знаменитый кружок «Маленьких ботаников», созданный А. Н. Бекетовым (который умер в 1902 г.), умер и М. С. Воронин, перестал читать лекции И. П. Бородин. Комаров с 1907 г. возглавил этот кружок. А Комаров был хорошо известен как лектор и организатор экскурсий в природу, экскурсионной практики, а также как секретарь Общества вспомоществования студентам университета (8 лет). Работа кружка оживилась сразу, выросло число входивших в кружок. Через кружок прошли В. П. Савич и Л. Г. Раменский (взятые в первую камчатскую экспедицию),

альголог Н. Н. Воронихин, микробиолог Б. В. Перфильев, агроном Э. Г. Безайс, А. П. Ильинский, Р. Ю. Рожевиц, а позднее М. Г. Попов, М. М. Ильин, С. В. Юзепчук, К. В. Регель, В. С. Порецкий, Н. А. Наумов и др. В то же время В. Л. Комаров руководил и факультетским кружком философии природы (на который собирались и студентки Бестужевских курсов). Он просуществовал где-то около 5 лет. Участвовал Комаров и в обществе приват-доцентов Санкт-Петербургского университета. Вот эта деятельность В. Л. была предметом продолжавшегося полицейского надзора, а также ревности Х. Я. Гоби, что и побудило Комарова защищать докторскую диссертацию в Москве. Но и состоявшаяся защита мало изменила положение В. Л. как в университете, так и в Ботаническом саду (там даже прибавилось обязанностей и конфликтов, но он оставался старшим консерватором). Правда, мы знаем, что в это время В. Л. живет в одном из деревянных домиков на территории Сада, который подлежит сносу, и поэтому у него не столь велики расходы на съемную квартиру. И, судя по всему, это способствует его гербарным разборкам. В 1914 г. опубликована серия 60 новых видов из Восточной Азии.

В 1913 г. его приглашают участвовать в экспедициях Переселенческого управления на Дальнем Востоке. Это Южно-Уссурийский край (бассейн оз. Ханка) и нижняя часть Сихотэ-Алиня — наиболее заселенные места Дальневосточного края. Помощники В. Л. в этой экспедиции — Н. В. Шипчинский и А. А. Булавкина, ученики В. Л. — работали самостоятельно, сам он главным образом в горах. Результатом этой экспедиции стали два отчета — предварительный (1914 г.) и полный «Типы растительности Южно-Уссурийского края» (1917 г.). Это первая (пионерная) работа с полным описанием растительности южной части российского Дальнего Востока — основных типов и формаций как первичных, так и измененных деятельностью человека, а также с попыткой восстановить дигрессионные и восстановительные смены растительности. И даже в предварительном отчете Комаров подчеркивает, что никаких степей и степных типов лесов (о которых писали путешествовавшие здесь ранее) встретить ни ему, ни его помощникам не довелось.

В 1914 г. было отстроено новое здание под Гербарий (и библиотеку) Ботанического сада (отметившего перед тем юбилей). Именно Комаров организовал работу по перемещению гербария. В Гербарии в это время было около 20 тысяч пачек (разукрупненных) и около 2.5 млн листов. Их разложили по новой системе (и по новым секторам).

А 1 августа 1914 г. началась Первая мировая война. Комаров не был военнопленным (у него была неизлечимая и по сей день болезнь — псориаз, которая характеризуется периодическими поражениями кожи, сопряженными с зудом). Но Управлением Верховного начальника санитарной части действующей армии Комарова привлекли к совершенно новому для него делу — организации сбора диких лекарственных растений и их культуры. Уже в 1915 г. он опубликует справочное пособие «Сбор, сушка и разведение лекарственных растений в России» (оно переиздавалось трижды), дает литературные обзоры по лекарственным растениям, выпускает серию «Летучек по лекарственным растениям» и т. д. В том же 1914 г. Комарова избирают членом-корреспондентом Академии наук. Правда, это ничего в то время, кроме некоторого почета, не значило. (Почетнее, пожалуй, было избрание в 1915 г. его на кафедру Юрьевского (Дерптского) университета, от чего, конечно, В. Л. отказался по тем же причинам, как и в случае приглашения в другие периферийные университеты). Наконец, в 1916 г. Комаров — один из учредителей Русского ботанического общества.

Есть все основания полагать, что В. Л. постарался полностью скрыть свое отношение как к Февральской, так и к Октябрьской революции. Все дело в том, что по основному месту работы — Ботаническому саду, где он к тому же жил, в это время на Комарова свалились немалые заботы. Директор Сада А. А. Фишер фон Вальдгейм (тайный советник) после Февральской революции остался где-то на юге. Главный ботаник В. И. Липский тоже не вернулся из поездки на Украину. Первым избранным директором Сада стал Б. Л. Исаченко — микробиолог и гидробиолог, но и зав. Отделом семеноведения в Ботаническом саду (ранее — Бюро семеноведения). А надо сказать, что война и революции нанесли Саду большой урон. К весне 1917 г. из-за нехватки топлива погибли многие ароидные и бромелиевые. На зиму 1917 г. была закрыта часть оранжерей (в том числе большая пальмовая и викторная), из которых в основном растения были перенесены, но самые большие пальмы и бамбуки перенести было некуда (и они замерзли). Эта мера экономии топлива была предложена Комаровым, который стал главным ботаником — заведующим Отделом живых растений (и помощником директора по науке). Комаров по-новому организовал Сад (Отдел), в котором в 1921 г. были 63 садовода и рабочих и 6 научных сотрудников, в нем появилось и особое подразделение по экспериментальной морфологии и экологии растений. Немудрено, что в 1918 г. не была напечатана ни одна работа В. Л., да и в 1919 г. — лишь «Краткий путеводитель по Ботаническому саду», а в 1920 г. — только сводка по маршрутам Н. М. Пржевальского в Центральной Азии. Одновременно устраивалась и кафедра ботаники 3-го Педагогического института (с 1919 г. Педагогический институт им. А. И. Герцена). В 1918 г. Комаров был избран профессором Петербургского университета, но в условиях постоянного слияния разных вузов, кафедру Комарову было трудно выделить. В. Л. дал ей название — кафедра морфологии и экологии растений. Эти работы в первые послереволюционные годы, в годы гражданской войны и разрухи были связаны с огромными трудностями, и даже вспоминать их было тяжело.

Однако в 1920 г. жизнь Комарова резко меняется. Для того чтобы занять освободившееся место ботаника после смерти А. С. Фаминцына, президент Академии наук, наверняка с подачи И. П. Бородин, письменно запросил все ботанические учреждения России, кто достоин быть избранным. И подавляющее большинство запрошенных назвало В. Л. Комарова. А между тем можно было полагать, что будет назван кто-либо из более почтенных профессоров-ботаников (Н. И. Кузнецов, Г. И. Танфильев, М. И. Голенкин и др.). После такого опроса И. П. Бородин, Н. В. Насонов и И. П. Павлов выдвинули кандидатуру Комарова на Общее собрание, и он стал академиком. Уже на Первом Всероссийском съезде ботаников в 1921 г. Комаров подтвердил правильность этого выбора. Он выступил на нем с четырьмя докладами. В одном из них «Вегетативное размножение, апомиксис и теория видообразования» он обращает внимание на то, что многие очень изменчивые роды (*Hieracium*, *Taraxacum*, *Alchemilla*) — апогамны, *Viola* — клейстогамны, *Rosa* часто характеризуется недоразвитой пыльцой. Казалось бы, это противоречит теории Я. Лотси, что новые виды возникают гибридогенно. Но это может как раз подтверждать ее, так как есть закрепление в потомстве разных вариантов гибридизации. Правда, большинство видов молодо, да и гибриды в природе редки. И главным фактором отбора у растений является климат, а не голод. Поэтому есть задача **экспериментальной** экологии — действительно ли гены столь неизменны. Надо какое-либо растение, размножающееся вегетативно, поставить в такие условия обмена, при которых его нуклеопротеиды не могли бы восстанавливаться идентично. Второй доклад «Меридиональная зональность ор-

ганизмов» — это открытие секторной упорядоченности флор на материках (не только широтная зональность!). Океанические флоры отличаются от континентальных. Есть еще и субконтинентальные (это он показал уже в следующем году в очерке о растительности Сибири). И наконец, доклад «Смысл эволюции»: почему природа не остановилась на протистах, а пошла далее — до сосудистых растений, позвоночных животных, человека. Смысл эволюции — в замедлении энтропии (утраты энергии Солнца — единственного внешнего источника энергии на Земле). Жизнь, «живое» на Земле образуют стойкие системы, задерживающие энергию на Земле; и эти системы все усложняются (но при сохранении и очень простых). Вот как мыслит В. Л. в 1921 г. Не было в это время еще никакого представления о биосфере, опубликованного В. И. Вернадским, не было и «живого» в его работах, а тем более — такого поворота в мыслях о живом. А материалист Комаров искал опоры в своих прениях с учителями (Бекетов, Бородин, Коржинский). И опоры в главном свойстве жизни — в эволюции, которой нет в неживой природе. Было еще и предположение о русских названиях растений.

Вообще в 20-е годы научная деятельность Комарова была очень интенсивной и разнообразной. Он обрабатывает коллекции из Центральной и Восточной Азии, Сибири, пишет обзорные работы по растительности Сибири и Якутии, Южной части Уссурийского края, создает первое пособие по определению растений Дальнего Востока («Малый определитель»), библиографию по флоре и растительности Дальнего Востока; выходят и первые 2 тома «Флоры Камчатки», сводка по маршрутам Г. Н. Потанина, а также некоторые переиздания учебников, научно-популярные работы «Жизнь и труды Карла Линнея», «Ламарк», «Что такое жизнь?», «Как произошел растительный мир по библии и науке» (2 издания). Но прибавляются дела и по Академии наук: пишутся записки об ученых трудах кандидатов в члены Академии, возглавляет он и делегацию СССР на 3-м Тихоокеанском конгрессе в Токио (2 месяца), возглавляет постоянную комиссию по изучению Якутии и Байкала. После кончины И. П. Бородина (1930 г.) Комаров избирается академиком-секретарем Отделения физико-математических и естественных наук, назначен он и директором Ботанического музея АН, избран председателем Государственного (Всесоюзного) ботанического общества, чуть позднее — председателем Монгольской комиссии. А он ведь еще продолжает быть заведующим Отдела живых растений Ботанического сада и заведующим кафедрой университета в Ленинграде.

Однако именно в 1929—1930 гг. Комаров был непосредственно вовлечен в сложнейшую работу по перестройке Академии наук. Фактически же он, как многие, понимал, что АН надо спасать. Дилемма была простая — либо Академия перестает быть государственной (члены Академии отделяются от институтов), либо она перестраивается (в ней появляются академики-коммунисты, и она «становится штабом науки для осуществления задач первого пятилетнего плана» — это слова Комарова в конце 1929 г.!). Уже в начале 1929 г. Комарову пришлось временно замещать неперменного секретаря Академии С. Ф. Ольденбурга, который был в зарубежной командировке. Участвуя по этой должности в партийной комиссии (по части госаппарата), он хорошо понял, что грозит Академии. Перед этим в Академии состоялся большой прием (42 академика, но из них лишь 6 — члены ВКПб). Еще трех членов ВКПб «зарубили». Осенью начались расследования по так называемому «академическому делу» и Ольденбурга отставили с его поста, временно избрав Комарова. Комаров (беспартийный!) смог провести довыборы академиков-коммунистов, опираясь на поддержку выбранных в январе Г. М. Кржижановского, А. Н. Баха, Н. И. Бухарина, И. М. Губкина и других, но

также и убедить старого президента А. П. Карпинского и ряда других видных академиков в необходимости сделать это. В марте 1930 г. были выборы президиума Академии. А. П. Карпинский был переизбран президентом, а вице-президентами стали Г. М. Кржижановский, В. Л. Комаров и Н. Я. Марр. Непременным секретарем стал только что избранный (вместе с А. В. Луначарским) историк В. П. Волгин (член партии). Перестройка Академии выражалась и в выделении новых институтов и в укреплении старых. Именно с подачи Комарова возникли Институт морфологии животных, Микробиологическая и Цитологическая лаборатории, Палеозоологическое отделение Геологического музея, Геоморфологический институт, в состав Академии вошел Ботанический сад, который в 1931 г. был объединен с Ботаническим музеем Академии и образовался наш Институт. Комаров был и у истоков создания филиалов и баз Академии за пределами Москвы и Ленинграда. Первыми были созданы Уральский, Дальневосточный и Закавказский филиалы, Казахстанская и Таджикистанская базы. Комаров сам возглавил Дальневосточный филиал, ему же принадлежит заслуга создания при Академии наук аспирантуры. Он старался как можно теснее связать Академию с Госпланом СССР, а ученых убеждал, что не надо бояться планирования, равно как и работы в советских органах выборной власти. А в 1936 г. он был избран президентом Академии наук.

И вот в такое многотрудное время Комаров находит время и для «ударной» научной работы. Двухтомный «Определитель растений ДВК», три издания «Происхождения растений», первое издание «Происхождение культурных растений». Эта замечательная книга, изданная как научно-популярная, на деле была новаторской. В ней было показано, что большая часть культурных растений создана в результате бессознательного отбора человеком преимущественно гибридных форм, а в диком виде их не существовало. И наконец, в эти же годы начинается работа над «Флорой СССР», создаваемой по теоретическим разработкам В. Л. и под его редакцией. Сам Комаров обработал для нее только в первых 5 томах все хвойные, роды тополь, ольха, горец и некоторые другие. Были еще и второе издание «Происхождения культурных растений», и редакторская работа над собраниями сочинений К. А. Тимирязева и Ч. Дарвина.

Упорно шла работа над едва ли не главной книгой «Учение о виде у растений». И снова — это книга, скорее, научно-популярная и обзорно-историческая («Страницы из истории биологии»). Но как много в ней нового, того, что не приняли и не поняли даже ученики и последователи. А ведь эта книга была и учебным пособием во многих университетах. Естественно, что я прочитал ее еще студентом, а потом не раз к ней возвращался. И вам всем полезно ее прочесть. Вид, основное понятие описательной биологии, детально разбирается в этой книге, конечно, прежде всего как вид у растений, реально существующий в природе, занимающий «особое место в экономике природы», как единица жизни, и значит, — единица эволюционного процесса (основного для жизни). В этом Комаров — убежденный дарвинист. Но как дарвинист он выступает и в том, что демонстрирует распространенную у растений гибридизацию, обсуждает проблемы дифференциации экотипов вплоть до образования экологических видов («меловые эндемики») или подробно объясняет свой так называемый «камчатский афоризм» (вид — это морфологическая система, помноженная на географическую определенность), подчеркивая, что это «формалистическое определение», нужное при работе по флоре, но не затрагивающее вопроса о сути понятия «вид». Но вот — совершенно новое. Комаров выделяет отдельно от видов (в том числе и гибридогенных) гибридные циклы, а также их дериваты — апомиктические или

апогамные расы. Это другие эволюционирующие единицы (эволюция их иная, чем у видов!). Комаров и ранее несколько раз говорил о том, что вид можно рассматривать как биохимическое явление. В особой главе «Вид и биохимия» он разбирает подходы ряда биохимиков, показывая, что продукты вторичного метаболизма (алкалоиды, терпены, масла) мало пригодны для понимания его сущности. Настоящую биохимическую характеристику эволюции можно будет найти в эволюции белков протоплазмы и нуклеинов ядра. А заканчивает он эту главу цитогенетическими работами Н. К. Кольцова, его представлениями о хромосомной матрице из двух «геноном» цепей однородных полипептидных звеньев, к аминокислотным радикалам которых присоединяются гены, природа которых еще не ясна (белки или более простые соединения). Значит, весь процесс наследственной передачи — это обмен веществ, входящих в разные части ядер клеток. И Комаров говорит, что в будущем возможна химическая трактовка жизни и наследственности и вида как биохимической единицы. Это значит, что В. Л. прочитал уже работы Н. К. Кольцова 1938 г. (а не только «Организм клетки») и понял, что они значат. (И, к слову, показатель того, как он относится к Кольцову, — не случайная оговорка, что Кольцов — академик).

Многие не понимали завершающую главу книги «Диалектика вида». Но она важна потому, что только в такой форме можно было высказать важные мысли. Например о том, что процесс возникновения новых видов идет по путям известной гегелевской триады: от исходного единообразия через максимально возможное разнообразие к конечному единообразию. Оговариваясь, что это далеко не единственный тип становления видов, а лишь один из них. Или, например, такое: Надо помнить указание Ф. Энгельса, что ...систематика не разделяет, а ищет мосты и соединяет часто даже мало сходные на первый взгляд организмы. Задача ее — найти прошлое каждого вида, т. е. сблизить его с его родичами. Вся система не что иное, как восстановление родословной. Совершенно иная задача — это внутривидовая систематика... Это «заглядывание в будущее».

Вот так, и поэтому стоит читать эту книгу (а не то, на что ссылаются не до конца ее понимающие и даже неплохие ботаники).

Нам остается вспомнить еще последние (и подлинно героические) годы жизни Комарова. В начале Великой Отечественной войны Комаров был на отдыхе и лечении в Гаграх, 30 июня он возвратился в Москву. Началась работа по эвакуации институтов Академии. В августе 1941 г. ряд институтов со всеми сотрудниками были эвакуированы в Казань (это были физики, химики, часть биологов и гуманитариев), туда же переехали вице-президенты О. Ю. Шмидт (ответственный за эвакуацию) и Е. А. Чудаков (механик). По состоянию здоровья и возрасту часть академиков направлялась в курорт Боровое в Центральном Казахстане, туда же должен был ехать Комаров. Но он доехал лишь до Свердловска, где был Уральский филиал Академии и Комплексная комиссия Академии. Здесь Комаров остался и решил организовать Центральную комиссию по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны. С Комаровым в нее вошли выдающиеся металлурги И. П. Бардин, А. А. Байков, Э. В. Брицке, геологи во главе с В. А. Обручевым, горняки с акад. А. А. Скочинским, крупнейший специалист по ж.-д. транспорту академик В. Н. Образцов, экономист С. Г. Струмилин (Струмилло-Петрашевич), многие видные энергетики, химики и др. Комиссия организовала комплексные бригады, работающие по конкретным заданиям. Комаров сам всесторонне изучал и оценивал результаты.

А ведь ему 72 года, он в 1939 г. перенес инсульт, и постоянная болезнь его донимает. Более того, в Казани есть и определенная оппозиция Комарову. Она

сформировалась еще ранее (в 1936 г.), на выборах президента АН. Вот примечательные слова С. И. Вавилова «Комаров — подходящая кандидатура для тех, кто его назначил. Для нас был бы интересен академик Крылов. Ведь вы знаете, какая это колоритная фигура, но поэтому-то его побоялись выставить, заменив бесцветной фигурой Комарова». (Однако при выборах было всего 2 голоса против!). То же было и в Казани в 1941 г., где был сформирован план работ, который даже не согласовали с президентом. Председатель Госплана Н. А. Вознесенский все же переслал план Комарову, и после изменений Комарова и дополнений, уже наработанных его Комиссией, именно этот план и был доложен академиком И. П. Бардиным в правительстве. В результате по распоряжению правительства О. Ю. Шмидта отстранили с поста вице-президента (он-то был наименее виновен, чем ряд физиков и математиков). Это, конечно, общим важным работам не помогло. И все же Комаров в 1942 г. провел общее собрание Академии в Свердловске, затем организовал совместные работы с Казахским филиалом АН и, наконец, создал Западно-Сибирский филиал в Новосибирске. Его Комиссия расширила свои работы от Урала до Кузбасса, Алма-Аты и Фрунзе. С зимы 1942/43 г. Комаров уже работает то в Москве, то в Казани и Свердловске, а в 1944 г. окончательно возвращается в Москву. Еще в 1942 г. Комиссия подготовила большой коллективный труд «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны», а в 1943 г. общие работы для фронта и тыла Академия наук уже вела по всей азиатской части СССР. В 1944 г. Комаров приехал в Закавказье, где знакомился с работами Азербайджанского филиала Академии и торжественно открывал первые республиканские академии Грузинской и Армянской ССР.

Нельзя не сказать и о публицистической деятельности Комарова в годы войны. Примерно 60 статей и речей были опубликованы в центральных газетах и журналах. Он был одним из авторов обращений «К ученым всех стран» и «К передовым людям всех стран мира», где нацистский режим характеризовался как угроза для всего человечества, всей цивилизации и культуры. Некоторые названия статей тех лет: «Красная Армия защищает мировую цивилизацию», «Ресурсы Урала — неисчерпаемы», «Благородная и возвышенная цель Отечественной войны», «Гитлеризм — смертельная угроза человечеству», «Наука и советская Родина», «Велик вклад советской интеллигенции», «Ленин, Сталин и наука». Всю эту «ударную» работу в публикациях последних лет уже успели оболгать, тем более что это касалось деятельности некоторого близкого круга общения Комарова (его недоброжелатели прозвали его «камарилья»). Между тем большая часть этого круга были лица, прямо по обязанности направленные властью следить за президентом Академии (по издательским делам — от отдела пропаганды ЦК ВКПб, по личным связям — от КГБ, и по оперативному руководству Академией — от Совнаркома академик Н. Г. Бруевич). Об этом, естественно, знали и Комаров, и его жена Н. В. Комарова-Старк. С 1943 г. началась реэвакуация академических институтов в Москву, где в конце года были проведены большие довыборы новых членов Академии. Комаров занимался и многими другими делами.

В 1944 г. к 75-летию Комарова прошли различные чествования его сначала в Москве, затем в Ленинграде. Комарову было присвоено звание Героя Социалистического Труда, юбилею был посвящен ряд специальных изданий и т. д. Осенью же 1944 г. Комарова впервые вызвал на беседу И. В. Сталин. Беседа продолжалась час, содержание ее не фиксировалось, но в личном фонде Комарова был найден текст сокращенной записи, возможно со слов самого В. Л. (а в феврале 1945 г. появилась и статья В. Л. «Волнующая беседа»). Текст записи (6 стр. на машинке) вряд ли отражает всю беседу. Комаров поблагодарил Сталина за высо-

кую награду, а также за «всегдашнюю помощь в решающую минуту», посоветовался по поводу координации работ создаваемых республиканских академий, по возможности отпраздновать 220-летний юбилей Академии и 100-летний юбилей Географического общества, а также по организации Института истории естествознания (чему Сталин удивился, поскольку Институт был разогнан после ареста его директора Н. И. Бухарина). Этот Институт был немедленно создан. Сталин, со своей стороны, поставил перед Академией задачу организовать новую базу железорудной промышленности для Ленинграда (Комаров через 3 дня на президиуме Академии создал такую рабочую комиссию). Затем Сталин обратил внимание на обеспечение зарубежной научной литературой и оборудованием; спросил Комарова, каково положение науки в Германии (на что Комаров ответил, что в целом там наука отброшена назад на многие годы). В конце беседы Комаров спросил, можно ли после войны послать в южные страны судно для восстановления оранжерейных коллекций нашего сада (и Сталин ответил — можно). Вообще-то, судя по статье, Комаров был удивлен, что Сталин хорошо осведомлен о делах в Академии.

А затем началась подготовка к юбилею Академии. Комаров болел почти всю зиму и весну, заседания юбилейного комитета чаще всего проходили у него на даче. Наконец, 15 июня 1945 г. начались приемы гостей и юбилейные торжества. Перед этим состоялись награждения: 13 академиков стали Героями Социалистического Труда, а 1465 сотрудников Академии были награждены орденами и медалями. 24 июня участники торжеств были на параде Победы на Красной площади, а затем все поехали в Ленинград на 3 дня, и 30 июня состоялся прощальный праздник в Кремле, где был Сталин и все члены Бюро ЦК ВКПб. После завершения торжеств Комаров еще провел первые заседания Совета по координации работ республиканских академий. Но его уже было решено заменить на посту президента. К нему была направлена делегация академиков, после чего 14.07.1945 г. он передал в президиум Академии просьбу об отставке, где написал все же, что преемником он хотел бы видеть С. И. Вавилова. Трудно сказать, когда все же Комаров узнал об отставке, о чем говорил он со Сталиным и Молотовым еще во время второй беседы в Кремле 22 мая 1945 г., когда и был принят порядок юбилейных торжеств. Комарова проводили с почетом, хотя он и не присутствовал на выборах нового президента, которым и стал С. И. Вавилов, охарактеризовавший исключительные заслуги Комарова как «замечательного ученого, редкого организатора и верного патриота, советского гражданина». У Комарова оставалось еще немало ответственных дел в Академии. Он оставался членом президиума, директором Института истории естествознания, научным руководителем Главного Ботанического сада в Москве (директором стал Н. В. Цицин), заведующим отделом Ботанического института (своего имени) в Ленинграде и т. д. Почти месяц он отдыхал на даче, здоровье чуть поправилось, и он начал заниматься текущими делами. Но жить ему оставалось уже недолго. Он умер в ночь на праздничный (5 декабря) день Конституции, которую он, беспартийный, принимал как член редакционной комиссии и делегат 8-го съезда Советов.

«Время — лучший ценитель дел человеческих». Так начинался 43 года назад очерк о Комарове хорошо знавшего его С. Ю. Липшица. Он, конечно, не предполагал, что в энциклопедической «Истории биологии в Санкт-Петербурге» будет забыта именно ботаническая школа В. Л. Комарова. Как это несправедливо! Я отнюдь не «оскорблю память» о Комарове, сказав, что он — великий русский ботаник. Прежде всего он велик как теоретик систематики, как создатель (и теоретический разработчик) крупнейшего в XX веке законченного монографо-сис-

тематического труда «Флора СССР», но и как создатель первых сводок по флоре Дальнего Востока России и Маньчжурии. Он и выдающийся географ, впервые показавший меридиональную секторность континентов суши, первопроходчик и автор географических очерков ряда районов Азии, а также очерков растительности Сибири и Дальнего Востока. Он — замечательный историк науки (в первую очередь ботаники).

Ученый (подлинный) живет в мире идей той отрасли науки, которую он избрал. Важно, чтобы при этом он стоял «на плечах» ее гениев и продолжался в своих учениках. Комаров следовал за К. И. Максимовичем и С. И. Коржинским, а будучи прирожденным и истовым педагогом, воспитал многих систематиков и ботанико-географов (А. П. Ильинский, М. М. Ильин, Р. Ю. Рожевиц, П. Н. Овчинников, С. Ю. Юзепчук, А. И. Пояркова и многих других вплоть до научных «внуков»), в орбите Комарова выросли и крупные специалисты споровики (В. П. Савич, В. И. Полянский, Н. А. Наумов и др.).

Но ученый всегда живет в обществе (в государстве, в той или иной культуре, в языковой среде), правда, позиция может быть разной — активно делать добро или замыкаться в своей «башне из слоновой кости». Комаров жил активно, защищая интересы науки в очень сложный период истории нашей страны. И мало можно сравнить его как организатора науки. В 1928—1930 гг. он спас Академию наук от разгрома, он перестроил структуру Академии, создав филиалы и базы в регионах и республиках. Он правильно оценил обстановку в начале войны и создал именно для общей работы Академии Комиссию по мобилизации ресурсов Урала (а затем всего востока страны) на нужды обороны. Конечно, не в одиночку, но точно оценив кадры, которых он привлек к работе, самых активных и самых необходимых людей. Многие (и разные) ученые подчеркивали в Комарове одну важную черту — исключительную способность правильно оценить значение научной работы даже в самых далеких от его специальности отраслях науки. А академик И. П. Бардин, тесно работавший с В. Л. в годы войны, особо выделял в нем стремление к интеграции разных наук во благо и науки, и Родины, и людей. При подлинном демократизме (доступности, заинтересованности в общении) все это привлекало к нему людей. Очень хорошо и емко сказал о Комарове выдающийся физик А. Ф. Иоффе: «Скромно, силой своей личности и дела В. Л. ведет за собой Академию почти полтора десятка лет» (именно так, а не 9 лет президентского срока!).

При жизни Комаров получил немало наград и признания (от власть придержащих до коллективов ученых). Но годы шли. Постепенно перестали называться именем Комарова Институты ботаники АН Казахстана и АН Азербайджана, Гербарий Института ботаники Армении, исчезла Лаборатория морфологии и систематики растений Ленинградского университета, нет именных стипендий имени В. Л. Комарова для докторантов и аспирантов, нет парохода его имени. Но остался поселок Комарово, остался наш Ботанический институт им. В. Л. Комарова с его «Комаровскими чтениями» и журналом «Komarovia». Осталась академическая премия им. В. Л. Комарова. Чтут еще память о Комарове на Дальнем Востоке. Его имя осталось у Горнотаежной станции ДВО РАН и у Государственного заповедника «Уссурийский» ДВО РАН, а ботаники Дальнего Востока регулярно проводят свои «Комаровские чтения». Нетленным же памятником В. Л. останутся названные в его честь растения (роды *Komarovia* Korov., *Vladimiria* Iljin и более 75 видов растений, среди которых типовой вид замечательного рода *Lepidolopha* C. Winkl.), а также описанные им виды и роды растений, среди которых единственный эндемичный для России род хвойных — *Microbiota* Kom.